УДК81'44

DOI 10.17516/2311-3499-065

ЛИНГВИСТИКА КОГНИТИВНАЯ И ЭКОЛОГИЧНАЯ: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОЙ ЭКОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. Колмогорова

Статья посвящена обсуждению перспектив развития и возможностей применения методологии и эпистемологии относительно нового научного направления в когнитивной науке – когнитивной экологии. В публикации последовательно рассматриваются понятия экологии, когнитивной системы, различные современные концепции последней, в частности теория распределенной когниции. Последняя, будучи применена в исследовательском поле лингвистики, дала жизнь термину *languageing*, трактуемому как речевая деятельность познающего субъекта, погруженная в ситуацию взаимодействия двух и более когнитивных агентов с целью достижения взаимопонимания. На материале русского и французского языков рассматриваются несколько примеров когнитивных лингвистических исследований, выполненных в духе философии когнитивной экологии. В центре каждого из них, наряду с собственно речевыми структурами, – жесты, мимика, характер вокализаций, направление движения взгляда взаимодействующих субъектов. В заключительной части статьи представлены дефиниция когнитивной экологии и набросок «кредо» экологичной когнитивной лингвистики – это направление исследований, которое стремится к мультимодальности материала и холистичности его описания, рассматривает язык как имеющую биологическую основу функцию, обеспечивающую работу всей когнитивной системы, в которой когнитивным агентом является человек. Высказывается предположение, что при определенных условиях экологичная когнитивная лингвистика может претендовать на статус интегративной науки.

Ключевые слова и фразы: когниция; когнитивная система; экология; распределенная когниция; когнитивный агент; когнитивная лингвистика; речежизненное взаимодействие; коммуникация.

AN ECOLOGICAL VIEW ON COGNITIVE LINGUISTICS: PERSPECTIVES OF APPLYING THE PRINCIPLES OF COGNITIVE ECOLOGY IN LINGUISTIC RESEARCHES

A.V. Kolmogorova

The article discusses the perspectives of the development and the applicative potential of a recently appeared in cognitive science approach – the cognitive ecology. The approach proposes a new methodology of cognitive research, deeply based on a rather particular epistemic conception. In the article, we consequently examine the concepts of ecology and of cognitive system. The latter is considered from the point of view of different traditions existing on the field of modern cognitive researches. We pay a particular attention to the distributed cognition theory which has introduced the notion of *languageing* in the scientific context. The term is elaborated in order to denote the subject activities, firstly, linked with the language use and, simultaneously, deeply immersed in the situation of two or more cognitive agents interaction sharpened around the understanding. We also present several examples of cognitive researches accomplished on the field of linguistics which share the philosophy of the ecological approach and those results illustrate the productivity of its methodology. In conclusion, we give our definition of what is meant under the notion of cognitive ecology and we propose a draft of what could be a “credo” of the ecological approach in cognitive linguistics.

Keywords and phrases: *cognition; cognitive system; ecology; distributed cognition; cognitive agent; cognitive linguistics; languaging; communication.*

Введение

Определяя лингвоэкологию как направление междисциплинарных исследований, А.П. Сковородников отмечает, что она изучает «состояние языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования, а также языкового сознания его носителей» (выделено нами. – А.К.) [Сковородников 2016: 21]. Приведенная дефиниция охватывает три ключевых понятия, взаимосвязи которых посвящена данная статья. Это понятия системы, среды и носителя сознания – познающего, осознающего субъекта или, иными словами, когнитивного агента, являющегося частью своей популяции, некоторого сообщества.

Цель данной публикации – показать, каким образом идея экологичности может быть применена при анализе и описании бытия *homocogitans*, воплотившись в концепции когнитивной экологии, которая, в свою очередь, обнаруживает новые грани языкового взаимодействия субъектов познания, соприкасаясь таким образом как с когнитивной лингвистикой, так и с лингвоэкологией.

Оттолкнувшись от понятия экологии в его наиболее общем и философском смысле, мы последовательно рассмотрим феномен когнитивной системы, составляющие ее единицы и очерчивающие ее границы, уточним место языковой / речевой деятельности в рамках данной системы, продемонстрируем примеры когнитивно-ориентированных исследований и проектов в лингвистике, иллюстрирующих идею о необходимости комплексного изучения всей системы, даже в том случае, если в фокусе внимания оказывается ее лингвистическая составляющая, и, наконец, дадим определение когнитивной экологической лингвистике.

Экология применительно к когнитивной системе

В 1866 г. немецкий исследователь Эрнст Геккель впервые употребил термин «экология» в значении «изучение взаимосвязей организмов с той средой, в которой они существуют» [Haeckel 1866]

Несколько позднее В.И. Вернадский осознал системный и глубинный характер взаимосвязей, формирующих «живое вещество», определив их ансамбль как «биосферу»: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочки, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться. В действительности, ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится. Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны – прежде всего питанием и дыханием – с окружающей их материально-энергетической средой. Вне ее природных условий они существовать не могут» [Вернадский 1944: 114].

Живой организм и его среда не только взаимосвязаны – они взаимно детерминируют друг друга. Чтобы обосновать этот процесс взаимной детерминации, Я.фон Икскуль [Uexköl 1909] ввел понятие структурного плана организма (*Umwelt*): из всего многообразия окружающего мира каждый организм выбирает лишь те фрагменты, те его черты, которые отвечают его собственной организации, его «структурному плану», а восприятие вычлененного таким образом мира производит в живом организме некоторые изменения, которые, в свою очередь, изменяют «крой» воспринимаемого «мира» [Колмогорова 2006]. Получается круговая замкнутая на самой себе система, результатом функционирования которой становится, по удачному выражению К. Лоренца [Лоренц 2000: 54], «гипотетический реализм» – все познание вырастает из процесса взаимодействия воспринимающего субъекта и объекта восприятия, которые оба одинаково реальны. Иначе говоря, вопрос о некоей единой и незыблемой реальности становится бессмысленным – у каждого организма она своя. Взаимопонимание между взаимодействующими

организмами, тем не менее, возникает по причине того, что, поскольку, по большому счету, коллективные действия повышают шансы приспособления к окружающей среде и выживания, в процессе приобретения социального опыта организмы приобретают навыки моделирования некоторого «промежуточного» совместного мира. Хотя антиномия В.фон Гумбольдта о том, что понимание это одновременно непонимание, остается валидной – каждый из организмов не покидает своей собственной реальности. Кроме того, в силу видовых биологически фундированных характеристик, «предвосхищающие схемы» также имеют некоторые общие черты у представителей одного вида.

Применительно к зрительному восприятию эту идею развил Дж. Гибсон в известной работе «Экология зрительного восприятия» [Gibson 1979]. Исследователь утверждает, что восприятие зависит от навыков и опыта воспринимающего – от того, что он знает заранее, поскольку в каждый момент активного обследования окружения воспринимающим конструируются *предвосхищения* некоторой информации, делающие возможным для него принятие ее, когда она оказывается доступной. Не предвосхищенная информация просто не может быть воспринята.

Для иллюстрации этого теоретического положения воспользуемся классическим примером оптической иллюзии, известной как «маска Чаплина»: в видеоролике перед зрителями появляется маска, имитирующая лицо Чарли Чаплина (мы узнаем его); сначала маска обращена к зрителю своей внешней (выпуклой) стороной – мы видим лицо актера в анфас; затем маска начинает постепенно поворачиваться, и в первые секунды этого поворота зритель осознает, что сейчас он видит обратную (вогнутую внутрь) сторону маски; парадокс состоит в том, что чем больше маска поворачивается своей внутренней стороной, тем правдоподобней ощущение, что маска вновь выпуклая и обращена лицевой стороной к воспринимающим ее. Иллюзия связана с тем, что в когнитивном опыте обычного человека восприятие лица – это всегда восприятие объемной, выпуклой поверхности и никогда – вогнутой и внутренней, поэтому предвосхищающая схема определяет то, что мы видим, нашу «реальность», хотя рационально мы можем понимать, что перед нами – вогнутая внутрь сторона маски.

Почему же Дж. Гибсон назвал свою концепцию «экологией восприятия»? Описанный им подход к анализу процесса восприятия больше не рассматривает воспринимающего как пассивного созерцателя, в сознании которого отпечатывается некий готовый, существующий вне этого сознания, образ. Результат восприятия детерминирован, с одной стороны, персональным когнитивным опытом воспринимающего, протяженным во времени, связанным с определенным пространством, с личной историей, а с другой – тем, что может сделать доступным для его восприятия среда (аффордансы). Таким образом, экологично то, что учитывает системный, взаимно детерминирующий, круговой характер связей между живым организмом и средой его обитания – социальной, материальной, природной и т.д.

И здесь мы подходим к определению понятия когнитивной системы. По У. Матуране [Maturana 1980: 9], «когнитивная система – это самореферентная и прогностичная система, сама организация которой определяет ее область взаимодействий. Релевантными для такой системы действиями являются только действия, доступные в ее области взаимодействий, а само ее функционирование служит поддержанию собственной идентичности и самовоспроизводимости».

Когнитивная система с точки зрения когнитивной науки

Будучи определена таким образом, когнитивная система включает в себя: 1) взаимодействия когнитивных агентов (КА) друг с другом (социальная среда); 2) взаимодействия КА со своим собственным опытом, полученным в прошлом (индивидуальная когнитивная среда); 3) взаимодействия КА с материальной и природной средой на основе аффордансов – того, что среда «позволяет» сделать данному КА.

Для того чтобы показать, как такая система функционирует, Э. Хачинс привел пример, ставший с тех пор классическим [Hutchins 1995]. Речь идет об описании работы команды корабля при заходе судна в порт: лоцман, опираясь на свой опыт проведения других кораблей в бухту

(взаимодействие с индивидуальной когнитивной средой), а также используя показания бортовых приборов, считываемых и сообщаемых ему другими членами команды (взаимодействие с материальной и социальной средой одновременно), дает команды штурману, который, в свою очередь, используя свой собственный опыт управления кораблем и команды лоцмана, ведет корабль по нужному маршруту. При этом за всеми действиями следит капитан, сверяясь с картами. Результатом действия такой распределенной во времени, в пространстве, в социуме и в материальном мире когнитивной системы является успешное решение когнитивной задачи – введение корабля в порт.

Концепт когнитивной системы приобретает различные формы репрезентации в процессе его осмысления в когнитивной науке: концепция «воплощенной когниции» (*embodied cognition*) [Anderson 2003] – нейронные сети, ответственные за обработку результатов взаимодействия человека со средой, не локализованы исключительно в мозгу человека, но распределены во всей его телесной оболочке таким образом, что тело выполняет не меньшую когнитивную функцию, чем собственно мозг; теория распределенной когниции (*distributed cognition*) [Hutchins 1995; Cowley 2009] – ведущая когнитивная роль отводится «неглубокому» мышлению, протекающему в опыте «здесь – и – сейчас» взаимодействия субъекта с материальной, социальной средой, с собственными когнитивными состояниями, испытанными в разные (прошлые) моменты личной истории; идея расширенной когниции (*extended cognition*) [Chalmers 1998] – человек стремится передать часть своих когнитивных функций внешним по отношению к собственной органичной телесной оболочке элементам среды (гаджетам, другим людям, записям на бумаге и т.д.); и, наконец, гиперсетевая теория мозга К. Анохина. Согласно последней, мозг – это гиперсеть, где языковой, визуальный, двигательный и иной опыт, приведший к успешному взаимодействию КА со средой (опыт, имевший смысл), объединяется в единый «нейронный сноп» – ког, который рассматривается как минимальная структура-носитель когнитивного опыта. Когн связаны между собой устойчивыми связями – локами, и благодаря этому образуют единую когнитивную сеть в нервной системе определенного организма – когнитом [Анохин 2016].

Представляется, что концепт когнитивной системы, представленный в перечисленных выше теориях, можно визуализировать, опираясь на образ ризомы – своеобразной модели устройства мира и его познания, по форме напоминающей клубень или луковицу [Делез, Гваттари 1996], которые являются утолщением подземного побега. В нем в потенциальной, не до конца проявленной форме заложены многие взаимно пересекающиеся, хаотично переплетенные, но все же образующие единство другие подземные побеги, корневые нити, у которых трудно найти начало и конец, которые могут одновременно пересекаться друг с другом во множестве точек.

Если применить концепцию когнитивных систем в лингвистике....

Два высказывания являются ключевыми для понимания следствий применения экологичного подхода, т. е. стремящегося сохранить целостность взаимосвязей между элементами когнитивной системы при любом анализе.

Первое высказывание принадлежит Г. Бейтсону: «Описать систему – это значит провести ее границы так, чтобы не повредить ни одну из ниточек, отсутствие которых мешает нам понять и объяснить эту систему» [Bateson 1972: 459, Цит. по: Hutchins 2010].

Второе – Э. Хачинсу: «Всякая граница помогает лучше увидеть одни вещи, одновременно лишая нас возможности разглядеть другие» [Hutchins 2010: 707].

В преломлении к когнитивной лингвистике экологичный подход требует выбора такой единицы анализа, которая сохраняла бы нетронутыми, целостными тонкие взаимопереплетения связей, существующих между разными элементами когнитивной системы, фокусируясь, тем не менее, на ее вербальной коммуникативной составляющей. Последняя же при таком холистическом подходе приобретает для исследователя характеристики, невидимые в ином ракурсе, в ней открываются новые грани, в том числе и скрытые потенциальные свойства, которые лишь могут

проявиться в будущем при известных условиях. Но эти условия исследователь уже может спрогнозировать.

Представляется, что лингвистика последовательно шла от неэкологичного по своей сути и абсолютизированного соссюрианского понимания языка как системы знаков к более «живому», менее стерильному понятию речевой деятельности в смысле Л.В. Щербы и А.А. Леонтьева и продолжает двигаться дальше – например, к понятию «*languaging*», становящемуся все более популярным в когнитивных лингвистических исследованиях.

Сама внутренняя форма термина, образованного от существительного *language* ‘язык’ путем добавления так называемого «ингового» окончания, характерного в английском языке для некоторых глагольных форм или отглагольных существительных, указывает на процессуальный, динамический характер обозначаемого им явления. Перевести на русский язык *languaging* довольно трудно. В свое время в [Колмогорова 2009] был предложен вариант «речежизненное взаимодействие». Речь идет [Love 2017:115; Cowley 2016] о совокупности речевых действий (говорение, слушание, письмо, чтение – семиотически значимые действия с языковыми знаками), интегрированных в процесс взаимной координации поведения, осуществляемой двумя и более КА с опорой на различные модусы восприятия и интеракции с целью достижения взаимопонимания. При этом оба КА, интуитивно чувствуя друг друга и стремясь к осмысленности взаимодействия, используют языковые структуры для активизации «заякоренных» за ними и уже данных в опыте – как конкретного индивида, так и социальной группы в целом – репрезентаций успешных взаимодействий членов группы, а также для формирования на их основе и дальнейшего закрепления в опыте новых репрезентаций взаимодействий с окружающим миром в «здесь – и – сейчас» контексте.

Эта деятельность, с одной стороны, глубоко фундирована в опыте уже бывших в прошлом подобных взаимодействий, имеющемся у каждого из когнитивных агентов, а с другой – «встроена» в материальный, в невербальный контексты. В развертывании интеракции (включая достижение ее осмысленности и получение когнитивного результата – скоординированного поведения, как, например, проведение корабля в порт, осуществляемое командой судна и лоцманом), в том числе речевого ее сегмента, важную роль играют траектория перемещения в пространстве, действия с предметами обоих акторов, их удаление и приближение друг к другу, жесты, мимика, взгляды, тембр голоса. Рассмотренные через «толщу» такого, мультимодального, контекста и «под лупой» основного вопроса «как происходит взаимопонимание?» собственно речевые структуры для исследователя приобретают несколько другую эвристическую «плотность», меняется иерархия и субъективная ценность подлежащих анализу признаков этих структур.

Приведем несколько примеров исследований, в фокусе внимания которых находятся аспекты «речежизненного взаимодействия», а единицей анализа становится некоторый фрагмент «ризомы» распределенной в социальном пространстве когнитивной системы.

Самый, пожалуй, крупный проект такого рода в России – это проект «Русская мультимедийная коммуникация», осуществляемый под руководством А.А. Кибрика. В основу проекта положена следующая методологическая схема: в эксперименте участвуют 4 человека – Рассказчик, Пересказчик, Комментатор и Слушатель. Рассказчик и Комментатор смотрят короткий сюжетный фильм «о грушах»; первый получает задание рассказать увиденное Пересказчику, который фильма не видел, а второй – дополнять рассказ Рассказчика. Слушатель пытается понять то, о чем ему рассказывает Пересказчик, и задает вопросы. В процессе эксперимента на участниках надеты очки-айтрекеры, которые фиксируют движения глаз испытуемых во время выполнения исследовательской процедуры; взаимодействие участников фиксируется также несколькими видеокамерами и аудиозаписывающими устройствами. Затем каждый этап взаимодействия проходит процесс аннотации, в рамках которой фиксируются особенности просодики, ручных жестов, движений глаз. Основной исследовательский вопрос проекта – увидеть

многообразие процессов, вовлеченных в естественную человеческую коммуникацию [Кибрик 2016:675]. Частные проблемы, подлежащие исследованию – описать просодию в качестве интерфейса между вокальным и жестовым каналами, особенности и степень координации между мануальными жестами и элементарными дискурсивными единицами, порождение и понимание речи в естественной коммуникации, а также зрительное внимание в естественной коммуникации [Kibrik, Fedorova 2018].

Иными словами, решается задача описания степени участия различных каналов – вербального, просодического, жестового, глазодвигательного – в процессе достижения взаимопонимания участниками коммуникации, т.е. в процессе речежизненного взаимодействия (languageing).

Следующий пример – это проект по изучению корреляций между жестами и концептуальными структурами, объективируемыми говорящим в речи при помощи различных грамматических форм. Исследование выполняется в Лаборатории полимодальной лингвистики МГЛУ под руководством профессора А. Ченки. Один из исследовательских вопросов проекта – являются ли жесты частью тех же концептуальных структур, что и грамматические конструкции [Cienki 2019]? Например, в работе [Boutet, Morgenstern 2018] делается вывод о том, что жесты носителей французского языка при использовании глагольных конструкций прошедшего законченного времени (*passé composé*) тяготеет к так называемым предельным жестам, содержащим некоторый импульс, усилие, а в случае глагольных конструкций, обозначающих незаконченное или фоновое действие в прошлом (*imparfait*) – к неопределенным, достаточно плавным жестам. Таким образом, данная работа дает основания полагать, что жесты и грамматические конструкции интегрированы в единую концептуальную структуру когнитивного опыта носителя языка.

Другой проект, меньшего масштаба, но с близкой к предыдущим примерам исследовательской философией, – проект, осуществляемый Лабораторией прикладной лингвистики и когнитивных исследований ИФиЯК СФУ при участии Центра по изучению процессов межличностного взаимодействия (Center of Human Interactivity) университета Южной Дании (г. Оденсе). Он посвящен изучению того, как в процессе общения с детьми с самых первых дней их жизни матери осуществляют настройку концептуальной системы «неопытного» КА, поверяя ее, выражаясь метафорически, «камертоном» релевантных для данной культуры моделей поведения и ценностей.

Во взаимодействии с матерью младенец, благодаря врожденному стремлению к кооперативному взаимодействию с другими, стремится к получению положительной аффективной реакции взрослого. Наблюдения [Reddy 2008; Trevenhien 2001] показывают, что младенцы в возрасте нескольких недель уже демонстрируют как модели «провоцирующего, дразнящего» поведения, призванного инициировать взаимодействие со взрослым (чаще всего матерью), так и поведение, имитирующее взрослых. Подобная имитация актуализирует способность к взаимному приспособлению в интерсубъектном общении. В таком общении младенец учится взаимодействовать в рамках совместной активности: если ребенок кричит, плачет, мать взглядом, жестом и вокализациями выражает свое недовольство; следя за изменениями в поведении матери и стремясь получить ее положительную реакцию, младенец постепенно меняет свое поведение. Перестав кричать, он замечает знаки одобрения и притяжения со стороны женщины. С этого момента сочетание специфических жеста, фонации, выражения лица матери, выражающих недовольство в ситуации, когда ребенок кричит, устойчиво ассоциируются в его индивидуальном когнитивном опыте с необходимостью для устранения такой неприятной ситуации линией поведения. И, наоборот, одобрение, знаки аффективно окрашенного внимания, сопровождающие некоторую, зачастую непреднамеренную линию поведения (взрослые члены сообщества склонны приписывать социокультурное значение пока еще рефлексивному поведению ребенка [Cowley 2004]) создают условия для повторения ребенком такого поведения в дальнейшем. «Разум

младенца готов к развитию и к тому, чтобы быть возвращенным в процессе совместного с другими людьми формирования значения интенциональных жестов и чувств с помощью средств выражения, проявляющихся телесно и доступных наблюдению в нескольких модальностях восприятия» [Treventhen 2010: 121].

Исследование показало, что, например, в случае формирования матерью в опыте ребенка моделей агрессивного коммуникативного поведения ребенок последовательно вовлекается в имитационную деятельность: сначала подобная модель ему просто демонстрируется в шутливой «понарошечной» форме (2 мес.), к ней привлекается внимание, затем ребенка поощряют за повторение просодического контура, характерного для инвективного высказывания (4–5 мес.), демонстрацию мимических движений агрессивного характера, а в возрасте 3–4 лет ребенок уже сам может, с подачи взрослых, воспроизвести такую модель, наполнив ее типичным инвективным вербальным содержанием. Необходимо подчеркнуть, что, говоря о формировании матерью моделей агрессивного коммуникативного поведения, мы не имеем в виду сознательное обучение – речь идет об имплицитном научении (термин Э.Торндайка, подсказанный нам С.Н. Цейтлин). Таким образом, наблюдения доказывают, что вербальный код несамодостаточен в процессе социального взаимодействия – он лишь один из слоев, накладываемый последним на формируемую взрослыми в опыте ребенка в процессе взаимодействия с ним концептуальную структуру, дабы «заякорить» ее [Колмогорова 2013].

Заключение. Когнитивная и экологичная лингвистика: какая она?

Когнитивная экология – методологический подход, рассматривающий когницию как процесс и результат функционирования всей когнитивной системы, в которой познающий субъект (КА) является лишь частью, составляющим элементом. Такая когнитивная система включает, помимо КА, материальную и социальную среду, собственную личную историю КА, «привязанную» к определенным временным срезам и пространственным локациям.

Экологичная когнитивная лингвистика отказывается проводить границу области исследования по «штрих-пунктиру» только языковых структур. Если когнитивная лингвистика на заре своего развития видела свое предназначение в том, чтобы посредством анализа языка как продукта работы мышления заглянуть в «черный ящик» когнитивных процессов, то экологичная когнитивная лингвистика рассматривает язык / речь как составляющую когниции, «работающую» в тесной связи с другими ее компонентами. Экологичная когнитивная лингвистика стремится выбрать такую исследовательскую единицу, которая могла бы объединить в себе, наряду с собственно вербальными структурами, ситуативные, социальные, собственно биологические факторы (реакции тела, телесное поведение, мимику, жесты, проксемику, характер вокализаций), влияющие на достижение взаимодействующими субъектами скоординированности действий, взаимопонимания. Она стремится к мультимодальности материала и холистичности описания, рассматривает язык как имеющую биологическую основу функцию, обеспечивающую работу всей когнитивной системы, в которой когнитивным агентом является человек. Конечным объектом изучения экологичной когнитивной лингвистики является организация процесса взаимопонимания когнитивных агентов, а предметом – место и функция вербальных и невербальных коммуникативных структур в когнитивной системе живого социального организма, коим является человек. В подобном контексте экологичная когнитивная лингвистика может при определенных условиях претендовать на статус интегративной науки: «Мысль о теории языка как о долгожданной единой теории поля – то есть о теории, объединяющей все фундаментальные взаимодействия, – достаточно трезвая....» [Иличевский 2015].

Литература

Анохин К.В. Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск,

20–24 июня 2016 г./ отв. Ред. Ю.И. Александров, К.В.Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С.18–20.

Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. №18. Вып. 2. С. 113–120.

Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 9–31.

Иличевский А. Справа налево. М.: АСТ, 2015. 576 с.

Кибрик А.А. Язык как он есть // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г./ отв. Ред. Ю.И. Александров, К.В.Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С.674–676.

Колмогорова А.В. Аргументация в речевой повседневности. М.: Флинта-Наука, 2009. 147 с.

Колмогорова А.В. Языковое значение и речевой смысл: опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 380 с.

Лоренц К. По ту сторону зеркала / пер. с англ. // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С.42–60.

Сковородников А.П. Экология русского языка. Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2016.388 с.

Anderson M. Embodied Cognition: A field guide // Artificial Intelligence. 149 (2003). pp. 91–130.

Boutet D., Morgenstern A. The French speakers' gestural expression of event construal // Aspectuality Across Language / Ed. By A.Cienki and O. Iriskhanova. Amsterdam: Benjamins, 2018. pp. 81–90.

Chalmers D. The Extended Mind // ANALYSIS. Vol. 58. Isseur 1. 1998. pp.7–19.

Cienki A. Gesture and grammatical constructions // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С.120–125.

Cowley S. J. Changing the idea of language: Nigel Love's perspective [Электронный ресурс] // Language Science. 2016. URL:<http://isiarticles.com/bundles/Article/pre/pdf/88434.pdf> (дата обращения: 25.07.2019)

Cowley S. J. Distributed language and dynamics // Pragmatics & Cognition. 2009. 17(3). pp. 495–507.

Cowley S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition // In D. Spurrett (ed.) Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Sciences. 26/6. 2004. pp. 565–591.

Gibson J.J. An ecological approach to visual perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 189 p.

Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. G. Reimer, Berlin, 1866. 447 p.

Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 381 p.

Hutchins E. Cognitive ecology // Topics in Cognitive Science. 2010. no 2. pp. 705–715.

Kibrik A.F., Fedorova O.V. An empirical study of multichannel communication: Russian pear chats and stories // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2018. Vol. 15. No 2. pp. 191–200.

Love N. On languaging and languages // Language Sciences. 2017. Vol. 61. Pp. 113–147.

Maturana H.R. Biology of Cognition // Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. 1980. pp. 5–58.

Reddy V. How Infants Know Minds. Cambridge MA/London, Harvard University Press, 2008. 288 p.

Trevarthen C. Intrinsic motives for companionship in understanding: Their origin, development and significance for infant mental health // Infant Mental Health. 2001. Vol. 22. pp. 95–131.

Trevarthen C. What is it like to be a person who knows nothing? Defining the active intersubjective mind of a newborn human being // Inf. Child Develop. 2010. No 20. pp. 119–135.

Uexküll J. von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909. 226 p.

References

Anohin K.V. Konnektom i kognitom: zapolnenie razryva mezhdu mozgom i razumom [Connect and cognition: filling the gap between the brain and the mind]. *Sed'maya mezhdunarodnaya konferenciya po kognitivnoj nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 20–24 iyunya 2016 g.* [Seventh International Conference on Cognitive Science: Abstracts. Svetlogorsk, June 20–24, 2016] / otv. Red.YU.I. Aleksandrov, K.V. Anohin. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2016, pp.18–20.

Vernadskij V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere]. *Uspekhi sovremennoj biologii*, 1944, no 18, issuer 2, pp. 113–120.

Delez ZH., Gvattari F. Rizoma [Rhizoma]. *Filosofiya epohi postmoderna*, Minsk, 1996, pp. 9–31.

Ilichevskij A. Sprava nalevo [From left to right]. Moscow, AST Publ., 2015. 576 p.

Kibrik A.A. YAzyk kak on est' [Language as it is]. *Sed'maya mezhdunarodnaya konferenciya po kognitivnoj nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 20–24 iyunya 2016 g.* [Seventh International Conference on Cognitive Science: Abstracts. Svetlogorsk, June 20–24, 2016] / otv. red. YU.I. Aleksandrov, K.V. Anohin. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2016, pp.674–676.

Kolmogorova A.V. Argumentaciya v rechevoj povsednevnosti [Argumentation in everyday speech]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2009. 147 p.

Kolmogorova A.V. YAzykovoe znachenie i rechevoj smysl: opyt funkcional'no-semiologicheskogo issledovaniya prilagatel'nyh-oboznachenij svetlogo i temnogo v sovremennyh russkom i francuzskom yazykah [Linguistic meaning and speech sense: the experience of functional-semiological research of adjectives-designations of light and dark in modern Russian and French]. Novokuzneck, 2006. 380 p.

Lorenc K. Po tu storonu zerkala [On the other side of the mirror] / per. s angl. *Evolyuciya. YAzyk. Poznanie* [Evolution. Tongue. Cognition], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2000. pp.42–60.

Skovorodnikov A.P. Ekologiya russkogo yazyka [Ecology of the Russian language]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2016. 388 p.

Anderson M. Embodied Cognition: A field guide. *Artificial Intelligence*, 149 (2003), pp. 91–130.

Boutet D., Morgenstern A. The French speakers' gestural expression of event construal. *Aspectuality Across Language* / ed. by A.Cienki and O.Irskhanova. Amsterdam, Benjamins Publ., 2018, pp. 81–90.

Chalmers D. The Extended Mind. *ANALYSIS*, vol. 58, isseur 1, 1998. pp.7–19.

Cienki A. Gesture and grammatical constructions. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2019, isseur 37, pp. 120–125.

Cowley S.J. Changing the idea of language: Nigel Love's perspective. *Language Science*, 2016. Available at: <http://isiarticles.com/bundles/Article/pre/pdf/88434.pdf> [accessed 25.07.2019].

Cowley S. J. Distributed language and dynamics. *Pragmatics & Cognition*, 2009, 17(3), pp. 495–507.

Cowley S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition. In D. Spurrett (ed.) *Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Sciences*, 26/6, 2004, pp. 565–591.

Gibson J.J. An ecological approach to visual perception. Boston, Houghton Mifflin, 1979. 189 p.

Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. G. Reimer, Berlin, 1866. 447 p.

Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA, MIT Press, 1995. 381 p.

Hutchins E. Cognitive ecology. *Topics in Cognitive Science*, 2010, no 2, pp. 705–715.

Kibrik A.F., Fedorova O.V. An empirical study of multichannel communication: Russian pear chats and stories. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, vol. 15, no 2. pp. 191–200.

Love N. On languaging and languages. *Language Sciences*, 2017, vol. 61, pp. 113–147.

Maturana H.R. Biology of Cognition. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*, 1980, pp. 5–58.

Reddy V. How Infants Know Minds. Cambridge MA/London, Harvard University Press, 2008. 288 p.

Trevarthen C. Intrinsic motives for companionship in understanding: Their origin, development and significance for infant mental health. *Infant Mental Health*, 2001, vol. 22, pp. 95–131.

Trevarthen C. What is it like to be a person who knows nothing? Defining the active intersubjective mind of a newborn human being. *Inf. Child Develop*, 2010, no 20, pp. 119–135.

Uexküll J. von. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin, Verlag von Julius Springer, 1909. 226 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики

Сибирский федеральный университет,

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный 82а

E-mail: nastiakol@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Full Professor, Head of the department of romance languages and applied linguistics

Siberian Federal University,

82a Svobodny street, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: nastiakol@mail.ru